

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Махова Дмитрия Анатольевича
на тему: «Категория наблюдателя в романе»
по специальности 5.9.3 – «Теория литературы»**

Диссертационное исследование Д.А. Махова посвящено проблеме, лежащей на пересечении интересов нарратологии, аксиологии и поэтики визуального – научных направлений, активно разрабатываемых на кафедре теоретической и исторической поэтики. Однако подобная многовекторность определяется не только следованием традициям конкретной научной школы; прежде всего, она продиктована комплексным характером изучаемого явления – категории наблюдателя. Рефлексия над ней сыграла важную роль в становлении неклассической науки в начале XX в., продемонстрировав принципиальную взаимообусловленность субъекта и объекта в процессе познания, а также раскрыв активный, интенциональный характер любого восприятия, не сводящегося к пассивной регистрации фактов, но также учитывающего ценностные и интерпретативные установки наблюдателя. Как убедительно показывает Д.А. Махов, транспозиция данной категории из сферы эпистемологии в эстетику, а затем и поэтику оказывается методологически продуктивной в процессе литературоведческого анализа субъектной и объектной структуры художественного произведения, что обусловлено особым интегративным характером «наблюдателя», объединяющем в себе черты различных субъектных инстанций текста.

С этим связана несомненная **актуальность** и **новизна** диссертации, которые определяются необходимостью включения междисциплинарной категории наблюдателя в терминологический аппарат современного литературоведения, что, с одной стороны, невозможно без описания ее структуры, функций и типологии, а с другой – требует соотнести вводимую категорию со смежными ей традиционными понятиями теоретической поэтики. Вполне логично, что с решения именно этих задач Д.А. Махов

начинает свое исследование, подчеркивая тем самым его теоретический характер. Весьма удачен и даже смел, на наш взгляд, выбор в качестве **материала** исследования четырех достаточно сложно организованных романов, каждый из которых представляет отдельную национальную традицию в рамках европейских литератур, однако фокусировка именно на текстах XX в. как будто косвенно свидетельствует о том, что категория наблюдателя получает наиболее полную экспликацию именно в произведениях, принадлежащих парадигме неклассической художественности, хотя в работе и не акцентируется этот объединяющий исследуемые романы фактор.

Диссертация отличается продуманной, логически обоснованной композицией и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников, включающего суммарно 180 пунктов, а также приложения, представляющего собой развернутый анализ романа Г. Майринка «Ангел западного окна» (1927), тогда как остальные произведения рассмотрены в основном тексте исследования.

Первая глава посвящена теоретическим, терминологическим и методологическим аспектам функционирования категории наблюдателя преимущественно в романной форме. При рассмотрении различных концепций этого жанра Д.А. Махов ограничивается работами М.М. Бахтина и Н.Д. Тамарченко, не включая в свой обзор альтернативные подходы, что, по-видимому, продиктовано сознательным намерением диссертанта не углубляться в жанровую проблематику и сосредоточиться на общих вопросах структуры художественного произведения, расценивая роман скорее как универсальную литературную форму в силу его открытости и сложности внутреннего устройства. С опорой на разработанную В.И. Тюпой шестиуровневую модель субъектно-объектной организации художественного текста, довольно подробно изложенную в диссертации, автор рассматривает способы реализации наблюдателя на каждом уровне и устанавливает, что он является категорией «архитектоники произведения» (с. 37), которая в то же время «всегда выражена какой-то композиционной формой речи» (с. 46).

Сопоставляя наблюдателя с понятием точки зрения в концепции Б.А. Успенского, диссертант приходит к выводу, что предложенная категория интегрирует в себе мировоззренческий, пространственно-временной, фразеологический и психологический планы, обеспечивая единство восприятия, понимания и оценки. Именно этот момент, по мнению Д.А. Махова, служит обоснованием несводимости наблюдателя к понятию «точка зрения», а также к различным нарративным инстанциям (повествователю, рассказчику, нарратору, фокализатору и т.д.). Оговоримся, что сам Успенский посвятил много внимания проблеме взаимодействия различных аспектов точки зрения, в частности, ученый признавал, что «специальные средства выражения идеологической точки зрения <...> крайне ограничены»¹, а потому она чаще всего представлена в «связке» с другими планами. Тот же интегративный потенциал данного понятия подчеркивал Б.О. Корман, называвший пространственную, временную и фразеологическую точки зрения «косвенно-оценочными»², т. е. содержащими в себе имплицитную оценку. Схожим образом фокализация в концепции Ж. Женетта соединяет в себе перцептивные и когнитивные моменты, представляя не только «техническую» регистрацию визуальной информации, как полагает диссертант (с. 66), но и ее осмысление персонажем, формирующее его уровень осведомленности (вопрос «кто видит?» у французского ученого имплицитно включает и вопросы «как он понимает увиденное?», «что знает о мире?»)³. Данные уточнения не противоречат выводам диссертанта, а скорее показывают, что введение наблюдателя в качестве «интегративной надкатегории» не отвергает традиционные понятия нарратологии, а органично встраивается в их систему, вполне согласуясь с существующими концепциями.

В то же время нельзя не отметить, что лексема «наблюдатель» в силу своей языковой семантики оказывается связана прежде всего с визуальным восприятием, из-за чего внутренняя форма слова как бы вступает в конфликт

¹ Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 26.

² Корман Б.О. Практикум по изучению художественного произведения. Учебное пособие. Ижевск. 1977. С. 15.

³ См.: Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1 / Пер. с фр. Е. Васильевой и др. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 1998. С. 205–206.

с предлагаемой в диссертации комплексной трактовкой наблюдателя как «фигуры смыслового и сенсорного посредничества» (с. 60), интерпретирующего информацию, полученную не только зрительно, но и через все остальные каналы чувственного восприятия. Признаем, что здесь Д.А. Махов находится в русле вполне сложившейся научной традиции, представленной, например, работами Т.Л. Верхотуровой и М.Б. Ямпольского, которые дополняют визуальную составляющую значения слова «наблюдатель» другими сенсорными, а также когнитивными моментами, да и сам диссертант подчеркивает, что «именно визуальное измерение художественной реальности оказывается наиболее репрезентативным в литературе» (с. 100), отстаивая свой выбор. И все же поиск более нейтральной по своей семантике лексемы на роль термина мог бы упростить его адаптацию в литературоведческом дискурсе и исключить ошибки в трактовках.

Установив, что конфигурация героя-наблюдателя является наиболее продуктивной для анализа исследуемой категории, Д.А. Махов формулирует его методологические основания, ориентируясь на принципы функционального прагматизма, в котором синтезирует положения И. Канта и У. Джеймса, а затем предлагает аналитический алгоритм поэтапного рассмотрения наблюдателя в романном тексте, двигаясь от выявления субъектно-объектных отношений к рассмотрению системы точек зрения и установлению типа наблюдателя и его места в архитектонике художественного целого. Уточняя статус данной категории в разных исследовательских сферах, диссертант справедливо разграничивает широкое и узкое определение наблюдателя как субъекта эстетического восприятия (читателя-реципиента) и как внутритекстовую субъектную инстанцию, реализованную чаще всего в фигуре героя, фокусируясь на свойствах последней. Однако в данном случае, как нам представляется, общекатегориальные характеристики проблематизируют онтологический статус наблюдателя-персонажа. В частности, наделение его такими «чертами эстетического восприятия», как «дистанцированность» и «созерцательность»

(с. 99) вместе с возможностью «видеть “внутренний мир” романа во всей его полноте» (с. 111), на наш взгляд, тем самым предписывает такому персонажу способность занимать «авторскую» позицию внаходимости, что в полной мере становится возможно только при наличии внутри художественной реальности еще и «воображаемого мира героя» (О.В. Дрейфельд) и только по отношению этому «миру в мире»: неслучайно практически все выбранные для анализа романы в том или ином виде содержат в себе эту категорию, а сам наблюдатель наделяется креативной функцией (с. 105), часто сопряженной с трансгрессивным видением. В то же время собственную «становящуюся» реальность герой не способен в полной мере воспринять и завершить эстетически целостно, поскольку является ее неотъемлемой частью, поэтому, например, утверждение, что Джон Ди в романе Г. Майринка предстает «как творец “внутреннего мира” произведения» (с. 186) можно принять только с оговорками, а не в строгом терминологическом смысле. Подобное противоречие, вероятно, требует уточнения характеристик внутритекстового наблюдателя в сравнении с его эстетико-философским коррелятом.

Предложенная Д.А. Маховым типология пассивного и активного наблюдателей, обозначающих крайние точки на общей классификационной шкале, последовательно и аргументированно обосновывается в аналитических главах диссертации, успешно и убедительно демонстрирующих эвристический потенциал разработанной методики. Исследователь доказывает, что романы У. Эко и К.С. Льюиса дают примеры пассивных наблюдателей в лице Вильгельма Баскервильского и Оруали, причем если первый эволюционирует в сторону активной разновидности, поскольку не только переживает духовную трансформацию, воспринимая и осмысляя окружающий мир, но и влияет в конечном итоге на события сюжета, то вторая оказывается «эталонным примером пассивного наблюдателя» (с. 146). Тексты Г. Майринка и М.А. Булгакова, напротив, дают образцы активных наблюдателей, поскольку и Джон Ди, и Воланд оказываются способны инициативно менять мир вокруг себя, напрямую

преобразуя художественную реальность, однако здесь именно булгаковский герой выступает эталоном – во многом в силу своей сверхъестественной природы. Во всех случаях анализ выполнен на высоком исследовательском уровне и полностью согласуется с теми теоретическими положениями, которые представлены в первой главе, включая и отмеченную нами двойственность онтологического статуса внутритекстового наблюдателя. В частности, она приводит к тому, что в романах Эко и Булгакова в качестве активного наблюдателя рассматривается Бог как создатель художественного универсума, функционально тождественный автору-творцу (а потому и занимающий подлинную позицию венаходимости), хотя в обоих случаях Он не выступает в качестве персонажа или субъекта речи, возникая как конструируемый субъект сознания в размышлениях Вильгельма и в единственной реплике Левия Матвея, обращенной к Воланду: «Он прочитал сочинение мастера <...> и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?»⁴. В последнем случае, на наш взгляд, роман не дает оснований наделять учителя Левия Матвея божественным статусом. Тут мы склонны согласиться с Б.В. Соколовым: «Булгаков <...> всячески подчеркивает, что Иешуа Га-Ноцри – человек, а не Бог, поэтому он и наделен самой неблагоприятной, не запоминающейся внешностью»⁵. Кроме того, слова Левия Матвея содержат *просьбу*, и вряд ли могут быть расценены как «прямой приказ для Воланда» (с. 217) или «судебный вердикт Бога» (с. 225), как это видится диссертанту. В любом случае такого Наблюдателя, занимающего «позицию принципиальной венаходимости» (с. 217) и не локализованного в тексте в виде отдельного субъекта речи, видения или поступка, читатель вправе подразумевать в любом художественном произведении, но его все-таки привычнее называть автором-творцом и не наделять внутритекстовым статусом.

Поскольку знакомство с интересным и оригинальным исследованием всегда побуждает к встречным размышлениям, хотелось бы задать автору ряд вопросов: 1) Возможны ли художественные тексты без фигуры наблюдателя

⁴ Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М.: Голос, 1999. С. 489.

⁵ Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид: Миф, 1997. С. 224.

или же мы должны рассматривать ее по аналогии с персонажем – «ценностным центром» – в качестве конститутивной инстанции любого литературного произведения? 2) Может ли наблюдатель, подобно нарратору или фокализатору, быть ненадежным? С одной стороны, в диссертации утверждается, что наблюдатель выполняет «функцию смысловой ориентации читателя в художественном мире» (с. 87), что подразумевает адекватность его восприятия и оценки авторской позиции. С другой стороны, героинаблюдатели, обладающие трансгрессивным видением (Психея у К.С. Льюиса, Джон Ди у Г. Майринка), прозревающие мистическое, сверхреальное бытие за покровом обыденной действительности, вполне могут быть описаны через критерий ненадежности. 3) Хотя диссертация посвящена выявлению наблюдателя в эпическом тексте, в ней постулируется универсальный характер этой категории для всех родов литературы. Поскольку в работе приведено несколько примеров присутствия наблюдателя в лирическом произведении, но отсутствуют примеры из драмы, хотелось бы узнать, в чем специфика воплощения наблюдателя в драматическом тексте и в каких формах оно возможно?

Отметим, что работа в целом написана хорошим научным языком. Спорадически в тексте встречаются мелкие опечатки и досадные ошибки в фамилиях исследователей (например, В. Шмида – на с. 15; Ж. Женетта – с. 88, 253; непоследовательное написание М. Бал / М. Баль – с. 15 и с. 242), однако они не влияют на общее положительное впечатление и не отменяют научной ценности исследования. На наш взгляд, предложенное Д.А. Маховым обоснование наблюдателя как поэтологической категории, описание ее типологии и функционирования, а также разработанная методика ее анализа «как особой модальности субъектного присутствия героя во “внутреннем мире” романа» (с. 26), убедительно продемонстрированная в практической части исследования, определяют несомненную **теоретическую значимость** работы, внося существенный вклад как в область исследований визуального в литературе, так и в сферу анализа художественного текста как литературоведческой дисциплины.

Диссертация соответствует требованиям положения «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года. Автор диссертации Махов Дмитрий Анатольевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. Теория литературы.

20 апреля 2026 года

Официальный оппонент:

Филатов Антон Владимирович,

кандидат филологических наук

(специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология),

доцент кафедры теории литературы филологического факультета

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Подпись А.В. Филатова заверяю:

и.о. декана филологического факультета

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,

доктор филологических наук,

профессор Липгарт А.А.

Адрес места работы:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

филологический факультет, кафедра теории литературы (ауд. 932).

Тел.: +7 (495) 939-32-4; e-mail: teolit@philol.msu.ru